

И. В. Хорькова
(Московский гос. лингвистический университет)

ФРАГМЕНТ О ПОВТОРЕ РИМСКИХ ИГР: ДЕТАЛИ И ИСТОЧНИКИ

В статье анализируется популярный в античной литературе сюжет о повторении игр в честь Юпитера из-за оскорбительного для божества происшествия во время процессии. Сравнение текстов разновременных латинских и греческих авторов выявляет ряд закономерностей в развитии сюжета и подводит к выводу об общем архетипе. Причина популярности этого эпизода в разные исторические периоды была различна. Для языческих авторов востребованность сюжета объяснялась интересом к исторической достоверности таинственных происшествий, говорящих об участии богов в жизни людей, для христианских авторов на первое место выдвигается возможность продемонстрировать мстительность и человеческую пристрастность языческих богов.

Ключевые слова: ранняя римская история; источниковедение Древнего Рима; римская религия; Теренций Варрон; христианские апологеты.

I. V. Khorkova
(Moscow State Linguistic University)

Fragment on the renewal of Roman games: details and sources

The article analyzes the story, popular in ancient literature, about the renewal of games in honor of Jupiter due to an incident offensive to the deity that happened during the procession: a beaten slave sentenced to death was driven ahead. Jupiter, displeased by that indecorous beginning of the games, appeared in a dream to a peasant and ordered to repeat the games. After the death of his son and a serious illness, the peasant informed the Roman Senate of the will of the deity and immediately recovered. This fragment is persistently repeated in the writings of both pagan and Christian authors from the 1st century BC to 5th century AD. The article examines the details of this plot among various ancient authors in order to explain its popularity in ancient literature. A comparison of texts of different Latin and Greek authors reveals a number of laws in the development of the plot and leads to the conclusion on the existence of a common archetype. The reasons for the popularity of the considered plot in different historical periods were different. For pagan authors, the popularity of the plot could be explained by the interest in the historical reliability of mysterious incidents that speak of the participation of gods in the human

life; for Christian authors, it is the opportunity to demonstrate the vindictiveness and humanlike partiality of pagan gods.

Keywords: early Roman history; source studies of Ancient Rome; Roman religion; Terentius Varro; Christian apologists.

В настоящей статье мы предпринимаем анализ известного многим античным авторам сюжета о повторении игр в честь Юпитера. Этот рассказ есть в сочинениях, как греческих, так и латинских авторов, как язычников, так и христиан. Можно сказать, этот эпизод выдержал испытание временем и привлекал внимание писателей и историков, начиная с I в. до н. э. (хотя корни его гораздо глубже), вплоть до V в. н. э. В наши задачи входило проследить, как видоизменялись детали повествования с течением времени, в связи с каким контекстом он привлекался древними авторами, а также определить причины его популярности.

Изложим рассматриваемый сюжет в общих чертах. Мы будем использовать в повествовании только те детали, которые излагаются большинством авторов, о различиях будем говорить позже. Итак, однажды перед играми в честь Юпитера через арену был проведен наказанный раб. Через некоторое время одному селянину во сне явился сам Юпитер и потребовал повторного проведения игр, поскольку начало их было проведено недостойно. Об этом требовании крестьянин должен был сообщить в сенат. Несчастный крестьянин побоялся идти в такое представительное собрание, за что был наказан. Сначала умер его сын, затем сам крестьянин сильно занемог. Посоветовавшись с друзьями, он все же решил исполнить волю бога и, будучи принесен на носилках в сенат, сообщил волю Юпитера. После этого сразу же выздоровел и своими ногами ушел из сената. Отцы сенаторы немедленно приняли решение о повторе игр (Cic. *De div.*, 1, 26 (55); Liv. *UC* 2, 36; Dion. 7, 68; Val. Max. 1, 7, 4; Plut. *Cor.*, 24; Min. *Fel.*, 7, 3; Arn. *AN* 7, 39; Lact. *DI* 2, 8; Aug. *CD* 4, 26; Macr. *Sat.*, 1, 11, 2–6).

Остановимся на деталях повествования у разных авторов. Прежде всего, когда это произошло? Наиболее подробно об этом сообщает Цицерон в сочинении «О дивинации»: во время войны с латинами впервые состоялись игры, посвященные богам, но римляне были неожиданно призваны к оружию, игры были прерваны, почему и было решено провести их вторично. (Cic. *De div.*, 1, 26 (55)). Не вполне понятно, о какой войне с латинами сообщает Цицерон. По Ливию, рассматриваемый

сюжет связан с консульством Марка Минуция и Авла Семпрония (491 г. до н. э.), когда было привезено большое количество хлеба из Сицилии, и состоялся суд над Марцием Кориоланом (Liv. UC 2, 34). Дионисий Галикарнасский также сообщает о втором консульстве Марка Минуция Авгурина и Авла Семпрония Атратина, во время которого прибыл сицилийский хлеб, и начались разногласия между плебеями и патрициями, подстрекаемыми Кориоланом (Dion. 7, 20–27). Однако повторение игр он относит к более позднему времени — к консулату Квинта Сульпиция Камерина и Спурия Ларция Флава (490 г. до н. э.) (Dion. 7, 68). Плутарх в биографии Кориолана также связывает этот рассказ с судом над Марцием Кориоланом и его изгнанием (Plut. Cor., 24). Валерий Максим и христианские авторы не называют времени, когда известные события могли произойти. Зато Макробий с уверенностью называет год 474 от основания Города, т. е. 280 г. до н. э. (Macr. Sat., 1, 11, 3), что никак не вяжется с предыдущими сообщениями. Итак, большинство авторов связывают эту историю со временем Кориолана, то есть относят к рубежу VI–V вв. до н. э.

Каковы источники рассматриваемой информации? Большинство упомянутых авторов своих источников не называет или дает весьма описательно. Минуций Феликс призывает: «Specta de libris memoriam» (Посмотри в памятные книги) (Min. Fel., 7, 3). Арнобий замечает с ехидством: «Non enim imus infitias, in annalium scriptis contineri haec omnia quae sunt a vobis in oppositione prolata: nam et ipsi pro modulo ingeniique pro captu et legimus et esse positum scimus» (Мы не отрицаем, что приведенное вами в возражение, содержится в писанных анналах, ведь сами мы читали по мере способностей и разума и знаем, что в них содержится) (Arn. AN 7, 39). Только Цицерон называет конкретные имена. Он пишет: «Omnes hoc historici, Fabii, Gellii, se proxime Coelius» (Это упоминают все наши историки — Фабий, Геллий, ближе к нам — Целий) (Cic. De div., 1, 26 (55)). Первый из упомянутых авторов — старший анналист Квинт Фабий Пиктор (254–16 гг. до н. э.); второй — средний анналист Гней Геллий (II в. до н. э.); третий предположительно Луций Целий Антипатр (180–120 гг. до н. э.), также анналист, описавший Вторую Пуническую войну.

Дионисий непосредственно в этом отрывке своего источника не называет. Однако несколькими главами ниже очень подробно рассказывает о празднике, доказывая заимствование многих его составляющих римлянами у греков. В описании

праздника он опирается, как сам пишет, на авторитет Квинта Фабия (Dion. 7, 71–73), то есть на того же Фабия Пиктора, писавшего по-гречески, и хорошо ему известного. Можно предположить, что и интересующий нас сюжет заимствован Дионисием из того же источника.

Поскольку сочинения анналистов утрачены, сохранились только в цитатах более поздних писателей и историков, очень важен тот факт, что описанный в их произведениях рассказ о гневе Юпитера и повторении игр дошел до нас, хотя и в передаче более поздних авторов. Во всяком случае, ссылки Цицерона и Дионисия определенно ориентируют нас на анналистическую традицию, что дает возможность проследить те изменения, которые произошли в описании рассматриваемого эпизода с течением времени.

В отношении источников более поздних авторов единого мнения в науке не существует. К. Майзер считает источником Арнобия в этом фрагменте Цицерона (Meiser 1908: 13), А. Зитте — утраченную раннюю христианскую апологию (Sitte 1970: 134). Касательно первого мнения можно возразить, что полного текстуального совпадения фрагментов из трудов Цицерона и Арнобия нет. В то же время в сочинении Арнобия сюжет о повторении игр в честь Юпитера приводится вместе с двумя другими историческими рассказами о призвании в Рим Эскулапа из Эпидавра по случаю распространения чумы и Великой Матери богов во время войны с Ганнибалом (Arn. AN 7, 44–50). Эти рассказы также имеются в сочинениях большого количества античных авторов (Ovid. Fasti, 4, 247 ff., Met., 15, 626 ff.; Val. Max., 1, 8, 2; 7, 5, 2; 8, 15, 3; Aur. Vict., 22; 46; Minuc. Fel., 7, 3; 27, 4). Приведенные в конце седьмой книги «Adversus nationes» эти три истории представляют собой единый информационный блок. У Цицерона два последних рассказа отсутствуют.

Касательно мнения А. Зитте об использовании Арнобием в качестве источника ранней христианской апологии следует сказать, что за отсутствием самой апологии вопрос остается чисто гипотетическим предположением.

Р. Огилви считает источником информации для восьмой главы второй книги Лактанция сочинение Валерия Максима (Ogilvie 1978: 43–46). Трудно согласиться с этим утверждением, во всяком случае для данного конкретного сюжета. Во-первых, примеры Валерия Максима хаотично разбросаны в его труде, не представляя собой единого целого. Информация Лактанция

является тематически подобранным сводом исторических рассказов, в котором присутствует как римский, так и греческий материал, что отражает характер источника. По нашему мнению, им был компендиум. Во-вторых, сам фактический материал фрагмента у этих авторов различается. Валерий Максим пишет, что происшествие случилось во время Плебейских игр; Лактанций называет цирковые игры в честь Юпитера. Имя отца семейства, которому явился Юпитер, у Валерия Максима — Тит Латиний, как и у большинства авторов; у Лактанция это был плебей Тиберий Аттиний (далее мы еще вернемся к этому имени). У Максима действие происходит в цирке Фламиния; Лактанций не уточняет название цирка.

О каких играх идет речь? На этот вопрос однозначного ответа нет. Цицерон говорит о посвященных богам играх, которые впервые состоялись во время Латинской войны (*cum bello Latino ludi votivi maximi primum fierent*) (Cic. *De div.*, 1, 26 (55)). Ливий называет Великие игры (*ludi magni*) (Liv. *UC* 2, 36). Дионисий и Плутарх определяют это просто как *πομπή* (торжественное шествие, процессия) (Dion. 7, 68). Валерий Максим сообщает, что событие произошло во время Плебейских игр (*plebeis ludis*) (Val. Max. 1, 7, 4). Минуций Феликс свидетельствует об играх в честь Юпитера (Min. Fel., 7, 3); Арнобий и Лактанций — о цирковых играх, посвященных Юпитеру (*de ludis circensibus*) (Arn. AN 7, 39; Lact. DI 2, 8); Аврелий Августин — о Римских играх (*ludi Romani*) (Aug. CD 4, 26).

Учреждение Великих или Римских игр обычно связывается с победой римлян у Регильского озера в 496 г. до н. э. в ходе Первой Латинской войны. Это соответствует указаниям Цицерона, Ливия и Августина. При этом Цицерон подчеркивает, что игры были *votivi* (по обету). Дионисий Галикарнасский несколькими главами ниже рассматриваемого фрагмента также сообщает, что праздник проводится в соответствии с обетами диктатора Авла Постумия, данными им во время войны с отпавшими латинскими городами, пытавшимися вернуть власть в Риме царю Тарквинию Гордому (Dion. 7, 71). Рассказывая о событиях Первой Латинской войны, Дионисий несколько раз говорит об обетах Авла Постумия Альба, получившего почетное имя Регильского за известную победу. Перед сражением он дал обет богам принести жертвы и учредить ежегодные общественные игры в случае победы (Dion. 6, 10). После удачно проведенного сражения диктатор из десятой части добычи предоставил 40 талантов на игры и жертвоприношения богам и

во исполнение обета отдал на откуп устройство храмов Церере, Либеру и Либере (Dion. 6, 17). Эти божества составляли так называемую плебейскую триаду, что по-видимому, и заставило Валерия Максима назвать игры в интересующем нас сюжете Плебейскими.

Дионисий Галикарнасский описывает праздник очень подробно, и мы хотим остановиться на этом описании. Перед началом состязаний устраивалась торжественная процессия в честь богов, которая шла от Капитолия через Форум к Великому цирку. Возглавлял процессию цвет общества — молодые римляне всаднического сословия на конях, затем пехотинцы, возницы на колесницах и участники состязаний в легкой и тяжелой атлетике. За ними следовали три группы плясунов, разделенных по возрасту, в сопровождении флейтистов и кифаредов. Во главе каждой группы шествовал один человек, который задавал остальным фигуры танца. За ними следовали группы, изображающие сатиров, затем несли кадила с благовониями, драгоценную утварь для жертвоприношений. В конце процессии несли кумиры богов — Юпитера, Юноны, Минервы, Нептуна и других (Dion. 7, 72–73).

Из этого подробного описания становится понятной разногласия авторов, рассказывающих об этом событии. Игры включали пышную процессию, откуда *πομπή* Дионисия и Плутарха. В процессии от Капитолия несли статую Юпитера, поэтому Минуций Феликс, Арнобий и Лактанций говорят об играх в честь Юпитера. Шествие направлялось в Великий цирк, который представлял собой ипподром между Палатином и Авентином, где и проходили состязания. Отсюда указание на *ludi circenses* у Арнобия и Лактанция.

Обратимся к деталям самого происшествия во время игр. По Цицерону перед самым началом игр через цирк был проведен раб, несший колодку (*furca*) и только что наказанный розгами (Cic. *De div.*, 1, 26 (55)). По Ливию незадолго до зрелища некий отец семейства (*quidam pater familiae*) прогнал розгами прямо через цирк раба с колодкой на шее (*sub furca*) (Liv. *UC* 2, 36). Дионисий Галикарнасский, как всегда, наиболее обстоятелен в повествовании. Небезызвестный римский гражданин передал своего раба для предания его на смерть другим рабам, которые тащили его, привязанного к колодке (*ξύλον*), через весь город, непрерывно бичуя по голому телу. Раб от боли кричал и совершал безобразные телодвижения (Dion. 7, 68). У Валерия Максима опять же некий отец семейства (*quidam pater familias*)

перед процессией выставил в цирке Фламиния своего высеченного плетью раба с колодкой на шее (*sub furca*) (Val. Max. 1, 7, 4). Плутарх очень близок к версии Дионисия даже в деталях. Минуций Феликс крайне лаконичен и подробностей не рассказывает (Min. Fel., 7, 3). Арнобий также повествует о некоем отце семейства (*patrem familias quondam*), который провел провинившегося раба через арену цирка под ударами прутьев и по обычаю предал его смертной казни (Arn. AN 7, 39). Лактанций называет даже имя этого отца семейства. Им был некий Антоний Максим (*Antonius Maximus*), который вывел на середину цирка избитого и закованного в колодки (*sub furca*) раба для казни (Lact. DI 2, 8). Августин упоминает только о казни одного преступника перед глазами всего народа в первый день игр (Aug. CD 4, 26). По Макробию некий Автроний Максим (*Autronius quidam Maximus*) перед началом представления прогнал через цирк своего избитого и привязанного к рогатине раба (*patibulo constrictum*) (Macr. Sat., 1, 11, 2–6).

Суммируя все изложенные детали происшествия, можно сказать: некий отец семейства Антоний или Автроний (первое имя кажется более убедительным) Максим приказал прогнать через Великий цирк или цирк Фламиния своего закованного в колодки раба, которого затем казнили. Скорее всего, Валерий Максим ошибается, называя Фламиниев цирк. Назначение его не вполне ясно, так как нет свидетельств об использовании его территории для каких-либо состязаний. Вероятнее всего, речь идет о Великом цирке, который Дионисием Галикарнасским назван в качестве конечной цели торжественной процессии в честь богов, где и проходили состязания атлетов. Большинство авторов говорят о рабе, закованном в колодки или с колодкой на шее — *sub furca*. *Furca* — это вилообразный крест, надевавшаяся на шею провинившегося раба колодка. Только Макробий упоминает раба, привязанного к рогатине (*patibulo constrictum*). *Patibulum* — это поперечина креста, шейная колодка, надевавшаяся на приговорённых к распятию. Если *furca* применялась как для наказания, так и для этапирования, равно как и ξύλον у Дионисия, то *patibulum* Макробия — это орудие распятия. О том, что раб подлежал казни, говорят Дионисий, Арнобий, Лактанций, Августин и, по-видимому, Макробий, употребляя слово *patibulum*. Более ранние авторы — Цицерон, Ливий и Валерий Максим говорят только о наказании раба.

Далее Дионисий, Плутарх и Арнобий сообщают, что после этого начали происходить различные явления, свидетельствую-

щие о гневе богов. Но если Плутарх говорит только о внушающих тревогу знамениях, а Арнобий — о моровой язве (*pestilentia*), опустошавшей город, то Дионисий рисует страшную картину божьей кары: необычные видения и голоса, рождение уродливых людей и животных и, наконец, заразная болезнь (*φθώρα*), губившая скот и людей. Возможно, это общее место, описывающее божий гнев. Перечисление аналогичных напастей часто встречается в исторических трудах, когда автор хочет подчеркнуть размеры постигших людей бедствий из-за невыполнения воли богов (например, см. Arn. AN 6, 3). У Цицерона и Ливия мы этих подробностей не находим.

Наконец, в сенат приносят на носилках одного человека — римского крестьянина (*rusticum Romanum*) (Cic., Arn., Aug.), плебея (Liv., Val. Max., Lact., Min. Fel.) по имени Тит Латиний (Titus Latinus) (Liv., Val. Max., Aug.) или Тиберий Аттиний (Tiberius Attinius) (Lact.) или некий Анний (Annius quidam) (Macr.). Тиберий Аттиний в тексте Лактанция появился скорее всего по ошибке переписчика. *Preanomen*, по-видимому, было дано в виде аббревиатуры — Т у его источника информации. В именах Latinus/Attinius — количество букв совпадает, отличаются только две первые. К тому же Latinus созвучно эпониму Latinus. Подавляющее большинство авторов называет крестьянина Latinus, поэтому мы принимаем этот вариант. Совсем другое имя у Макробия, как и названный им год события. У Дионисия и Плутарха также назван Т. Латиний, но характеристика его более развернута по сравнению с латинскими авторами. Это пожилой, состоятельный, но не знатный человек, постоянно проживающий в деревне. Здесь мы видим описательное переосмысление римского понятия «плебей» для греческой аудитории.

И вот этот крестьянин сообщает сенату следующую историю. Во сне к нему явился некто (Cic., Aug.) или же сам Юпитер (все остальные рассматриваемые авторы) и велел пойти в сенат (Cic., Dion., Plut., Lact., Aug., Min. Fel.) и передать консулам (Liv., Val. Max., Arn., Lact.), что игры должны быть повторены. Причина повторения игр у рассматриваемых авторов формулируется по-разному. Основная формулировка такова: поскольку Юпитеру не понравился первый танцор на играх — “*praesulem sibi non placuisse ludis*” (Cic. De div., 1, 26 (55); “*sibi ludis praesultatorem displicuisse*” (Liv. UC, 2, 36); “*μοι τῆς νεωστὶ πομπῆς τὸν ἠγούμενον ὀρχηστὴν οὐ καλὸν ἔδωκαν*” (Dion. 7, 68); “*sibi praesultorem ludis circensibus proximis non*

placuisse” (Val. Max. 1, 7, 4); “κακὸν τὸν ὀρχηστὴν ἔστειλαν αὐτῷ πρὸ τῆς πομπῆς καὶ ἀτερπέστατον” (Plut. Cor., 24); “praesulem sibi displicuisse” (Arn. AN 7, 39); “ludis circensibus proximis praesultorem sibi displicuisse” (Lact. DI 2, 8). Трудно не обратить внимания на текстуальное сходство. Слова praesul=praesultor=praesultator означают переднего, идущего впереди танцора. Эти слова употреблены во всех латинских вариантах фрагмента. В греческих вариантах мы встречаем слово ὀρχηστής, также означающее плясуна, танцора. Во всех латинских фрагментах находим глагол placeo (нравиться) с отрицательной частицей non или же глагол displiceo (не нравится, быть неприятным) в форме Infinitivus perfecti activi и возвратное местоимение sui в дательном падеже. Наконец, везде присутствует инфинитивный оборот Accusativus cum infinitivo. Можно говорить о дословном цитировании, принимая в расчет достаточно вольное обращение римских авторов с чужими текстами, на что указывал В. Н. Ярхо (Jarho 2002: 216). Подобное текстуальное сходство наводит на мысль об общем архетипе для всех анализируемых фрагментов.

Остальные наши авторы просто опускают саму эту фразу. Августин сообщает, что игры следует повторить, поскольку в их первый день была совершена казнь преступника; Минуций Феликс вообще не сообщает подробностей. Макробий пишет, что Юпитеру не понравился полный жестокости поступок, но даже здесь просвечивает первоначальный текст сообщения: “**non sibi placuisse** plenum crudelitatis admissum” (Macr. Sat., 1, 11, 3).

Если вернуться к подробному описанию события у Дионисия и Плутарха, становится понятным, почему Юпитер назвал негодным предводителя танцоров. Имелся в виду наказываемый раб, которого гнали через арену цирка и который корчился и извивался от боли (Dion. 7, 69, 1–2; Plut. Cor., 24).

Далее сенат принимает решение немедленно повторить игры. Крестьянин чудесным образом тут же излечивается и отправляется домой на собственных ногах. Именно эта последняя деталь встречается почти у всех наших авторов: “pedibus suis salvum domum revertisse” (Cic. De div., 1, 26 (55)); “pedibus suis domum redisse” (Liv. UC, 2, 36); “καὶ τὸν θεὸν ἀναβοήσας ἀπῆει τοῖς ἑαυτοῦ ποσὶ διὰ τῆς πόλεως οἴκαδε ὑγιής” (Dion. 7, 68, 6); “pedibus domum rediit” (Val. Max. 1, 7, 4); “καὶ ἀναστὰς ἀπῆει δι’ αὐτοῦ βαδίζων” (Plut. Cor., 24); “pedibus domum rediise” (Lact. DI 2, 8); “pedibus suis sanus abscessit” (Aug. CD 4, 26); “pedibus

egressus est” (Macr. Sat., 1, 11, 4). И снова невозможно не заметить текстуального сходства в передаче этой фразы у латинских авторов, включая совпадение не только лексики, но и грамматических форм, что вполне может указывать на общий архетип.

Еще одним важным критерием при сравнении служит фактологическое обрамление эпизода у разных авторов, а также связанный с этим вопрос, с какой целью рассматриваемый сюжет приводится античными писателями. По этому признаку авторов можно сгруппировать следующим образом. Цицерон, Валерий Максим и Лактанций приводят интересующий нас исторический рассказ, излагая свою точку зрения на значение снов в жизни людей, на их толкование и на существование вещей снов. Интересующий нас сюжет содержится в философском трактате Цицерона «De divinatione» (О дивинации), по замечанию Г. Г. Майорова, одном из наиболее информативных и уникальных по содержанию его сочинений (Majorov 1985: 34). Цицерон относит сны и их толкование к естественному виду дивинации (De div., I. 11). Отсюда такое обилие примеров вещей снов в его сочинении. Материал объемён и разнообразен, освещает события не только римской истории, но равным образом греческой и пунической.

Сочинение Валерия Максима изначально самим автором заявлено как компендиум: «Достойные памяти деяния и изречения римлян и жителей окрестных земель, широко представлены у многих писателей. Чтобы можно было коротко с ними ознакомиться, здесь я решил разместить истории, выбранные из трудов знаменитых авторов, в надлежащем порядке, дабы у желающих почерпнуть что-то из этих примеров не было нужды в длительных изысканиях»¹. Наш эпизод приводится в главе «О снах». В том же русле следует и Лактанций, приводя примеры различных вещей снов из римской истории.

Ливий, Дионисий и Плутарх передают рассматриваемый сюжет в рамках исторического повествования анналистического типа или, как Плутарх, в составе исторической биографии Кориолана. Арнобий и Августин подкрепляют этим рассказом тезис о том, что языческие боги гневливы и мстительны, если в точности не выполняется их воля. Минуций Феликс вплетает это повествование в более широкую тему о реальном явлении богов во время исторических событий. Наконец, вновь

---

¹ Перевод С. Ю. Трохачева.

наиболее оригинальным оказывается Макробий, упоминая этот фрагмент в связи с вопросом об отношении к рабам.

Таким образом, если исключить исторические повествования Ливия, Дионисия и Плутарха, у остальных рассмотренных писателей материал включен в тематическую подборку примеров на заданную тему. Из них только Цицерон называет свои непосредственные источники, которыми являются анналисты. По всей видимости, остальные более поздние авторы пользовались неким промежуточным тематически организованным источником, рассказывающим, как это было и у Цицерона, о снах в составе повествования о дивинации.

И вновь у Макробия мы встречаем сообщение, связанное с рассматриваемым сюжетом, которого нет ни у одного другого из наших авторов. Он пишет, что после заявления крестьянина по решению сената и Мениеву закону (*Maenia lege*) к празднествам был прибавлен дополнительный день для умилоствления Юпитера, который был назван *instauratitius/instauraticius* (возобновляющий) (*Macr. Sat.*, 1, 11, 5). При этом Макробий добавляет, что слово это происходит от глагола *instaurare* (возобновлять, повторять), который в свою очередь означает *instar novare* (обновлять вид). И самое главное, что он ссылается в этом пассаже на Варрона. Таким образом, можно считать весь этот фрагмент заимствованным Макробием из сочинений Варрона. Кроме того, Макробий пишет, что некоторые производят *instauratitius* от греческого слова *σταυρός*, которое означает крест как орудие казни. Сам Макробий в начале фрагмента говорит о рабе с шейной колодкой (*patibulum*), которая надевалась на приговоренных к распятию. (У большинства наших авторов здесь употребляется слово *furca*). Это замечание не оставляет сомнений в том, что рассматриваемый сюжет у источника Макробия был приведен в связи с этимологическим анализом слова *instauratitius*, и вся информация сосредоточена именно вокруг этого анализа. То есть у Макробия, а точнее у его источника, цель рассмотрения сюжета отлична от других наших авторов. Г. Фюнайоли вносит этот отрывок из труда Макробия в сборник фрагментов латинских грамматиков, соглашаясь с его принадлежностью Варрону (*GRF* 1907: Vr, 430). В словаре Веррия Флакка есть аналогичная этимология глагола *instaurari* от *instar* (образ, вид, внешность) (*VF s. v. instaurari*), но слово *instauratitius* отсутствует.

Итак, подведем итог источниковедческой составляющей нашего исследования. Цицерон и Дионисий Галикарнасский

пользовались сочинениями анналистов. Наиболее оригинальна и отлична от других версия Макробия, что может объясняться тем, что в качестве его источника выступали сочинения Варрона. В труде Августина в следующей за нашим эпизодом главе также имеется ссылка на «Божественные древности» Варрона по другому вопросу (Aug. CD 4, 27). Известно, что сочинения последнего были важнейшим источником Августина (Khorkova 2018: 1323). Поэтому не исключено, что и в данном случае сам эпизод заимствован Августином все у того же Варрона. Большинство же поздних авторов заимствовали материал из тематического компендиума или нескольких компендиумов, восходящих к общему архетипу.

Следует отметить, что исторический рассказ довольно точно излагается всеми авторами, однако с увеличением промежутка времени, отделяющего автора от описываемого события, детали размываются, спутываются, теряют первоначальный смысл. Наиболее точны как в определении времени события, так и в отношении конкретных его деталей сообщения Цицерона и Ливия. Передача грекоязычных авторов — Дионисия Галикарнасского и Плутарха — отличается большим объемом, что объясняется необходимостью для авторов более подробно описать и прокомментировать римские реалии. В трудах христианских авторов оценка описываемого события смещается в сторону негатива, служа цели обличения язычества.

В чем причина популярности рассмотренного сюжета? Следует отметить, что в разные исторические отрезки времени она была различна. Если для языческих авторов популярность сюжета объяснялась интересом к исторической достоверности таинственных происшествий, говорящих об участии богов в жизни людей, то для христианских авторов на первое место выдвигается возможность продемонстрировать на хорошо известном примере мстительность и абсолютно человеческую пристрастность языческих богов.

Литература

- GRF 1907: *Grammaticae Romanae Fragmenta*. Ed. by Funaioli G. Lipsiae.
Jarcho, V. N. 2002: *Греческая и греко-римская комедия / Древнегреческая литература. [Greek and Greco-Roman comedy/ Ancient Greek literature]*. Moscow.
Ярхо, В. Н. 2002: *Греческая и греко-римская комедия. Древнегреческая литература*. М.

- Khor'kova, I. V. 2018: Suffixation as a way of forming theonyms in the Roman libri pontificales. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo European linguistics and classical philology*] 22, 1319–1328.
- Хорькова, И. В. 2018: Суффиксация как способ образования теонимов в римских сакральных книгах. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 22, 1319–1328.
- Majorov, G. G. 1985: Cicero as a philosopher. *Cicero. Filosofskie traktaty*. [*Cicero. Philosophical treatises*]. Moscow.
- Майоров, Г. Г. 1985: Цицерон как философ. *Цицерон. Философские трактаты*. М.
- Meiser, K. 1908: *Studien zu Arnobius*. München.
- Ogilvie, R. 1978: *The library of Lactantius*. Oxford.
- Sitte, A. 1970: *Mythologische Quellen des Arnobius*. Wien.